

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Конец зимы. Чукотка. Посёлок геологов Пырканай, в восьмидесяти километрах — берег Северного Ледовитого океана. Закончилась полярная ночь. В поселковой столовой по этому случаю праздник.

В столовой на столах — спирт и шампанское, на Севере это было модно. К утру наш столик, все четверо, вышли на крыльцо покурить. Светало. Товарищ от избытка чувств, молодости, счастья, предчувствия скорых маршрутов, ночёвок у костра, а также спирта с шампанским, расстегнул кобуру и выстрелил в серое, цвета пепла, небо (на время полевых работ геологам выдавали оружие, которое осенью полагалось сдавать на склад. Однако на Севере на инструкции смотрели сквозь пальцы, и почти все оставляли револьверы дома). Начали прикуривать, на миг склонились над спичкой в ладонях. Стало тихо. И в это время мы услышали музыку: в ответ на выстрел небо ответило музыкой.

Мы подняли головы. С мутной вышины летели на нас редкие большие льдистые снежинки размером с женскую ладонь или даже больше; иногда они соприкасались, обламывались, и возникала музыка. Мы долго, пока не замёрзли, стояли на крыльце, слушали симфонию Севера. Каждый думал о своём. Товарищ пристыженно застегнул кобуру и протянул: “Да-а-а...” — и отщёлкнул папиросу.

О своём думал и я. Думал, что весь земной шар усыпан красотой. Сколько же труда ушло, как надо было поработать природе за Полярным кругом, чтобы вырезать каждую снежинку и сделать её неповторимой; сколько терпения надо, чтобы по весне по всей России для каждой берёзы выпилить лобзиком молодые клейкие листочки... Мастер терпеливо вырезает из нефрита вазу, зодчий плетёт каменные кружева храма, поэт пишет стихотворение — не для себя, для людей, чтобы они увидели и восхитились. Тот Мастер, который сотворил весь этот мир, не для Себя это делал, для восхищения. А восхититься и оценить такую красоту могут только люди...

Люди, живущие на окраинах государства, острее и больше чувствуют Родину.

ЗАКОЛКА

В летний сезон 1982 года в отрогах хребта Удокан работала геологическая партия Игоря Александровича Томбасова. Отряд из двух человек – Александра Леснянского, молодого специалиста, выпускника Днепропетровского горного института, и меня, маршрутного рабочего – забросили вертолётom за сотни километров от основного лагеря. Вертолёт даже не сел, а завис над болотистой марью. Мы сбросили спальники, палатку, продукты, рюкзаки, инструменты и с оружием прыгнули на кочки, покрытые сфагнумом. Пилот кивнул и улыбнулся. Вертолёт чуть поднялся, завис, набылчился и, набирая высоту, скрылся за деревьями.

Мы остались одни. Стояла звенящая тишина. Надо было перенести вещи под защиту небольшой сопочки с редкими лиственницами. Определили место для лагеря. Александр включил приёмник “Спидолу” и стал настраивать рацию, – в первую очередь, необходимо связаться с базой. Я стал переносить вещи. Приёмник на полную громкость орал “Уведу тебя я в тундру...” Вижу, как из ольшаника выходит сокжой – дикий олень, идёт к уже перенесённым вещам, обнюхивает их, нюхает орущую “Спидолу” и не спеша удаляется. Александр не видит оленя – он сидит на корточках спиной и возится с рацией.

Дикий край! Животные не знают человека. И то сказать – на сотни километров ни души! До базового лагеря два дня пути.

Начались маршруты. В полевой сезон у геологов нет выходных – выходные выписывает погода. Занепадет – геологи отдыхают.

Будни геологов – это тяжёлые рюкзаки, сапоги, длинные маршруты, обеда из консервов, карабин, который за день оттягивает плечо, паузы днём, комары и мошка вечером, гольцы, камнепады, звери и другие прелести романтики. С тем миром, где ходят в театр и носят цивильные костюмы, связывает лишь “Спидола”. А рация связывает с базовым лагерем, таким же геологическим миром, только народу там побольше – шестнадцать человек.

И вот как-то в маршруте вышли мы на безымянное маленькое круглое озеро. К самому берегу подступает тайга, а с севера скалы забрели прямо в воду. Красиво, как в сказке! Мы знали, что двумя годами ранее в этих местах работала ленинградская геологическая партия. Когда обходили озеро, наткнулись на место, где располагался их лагерь: колышки от палаток, кострище, обложенное диким камнем, стол из самодельных досок, лавки из ошкуранных жердей.

Можно передохнуть. Мы сняли рюкзаки и присели к столу.

Столешница была слегка присыпана хвоей и берёзовыми листьями. И вдруг – как удар молнии! – мы увидели круглое зеркальце и женскую заколку.

Это было невероятно!

Это было невозможно!

Проще было поверить в появление инопланетянина, чем представить, что вот здесь, в нашем грубом мире, мире портянок, пропоровшей робы и тяжёлого мужского труда когда-то была женщина. Вот здесь она сидела, смотрелась в зеркало, расчёсывала волосы, открывала губную помаду, что-то кому-то говорила, смеялась, сердилась... Думаю, Александр испытал такое же потрясение.

Это чувство, это потрясение мне знакомо. Впервые я испытал его, когда написал по-настоящему хорошее стихотворение. Я гладил бумагу пальцами, даже понюхал и всё никак не мог поверить, что это сделал я.

Во второй раз я испытал его, когда родилась дочь Наталка, и я взял её на руки. Это надо же! – из ничего. Ничего не было и раз, и – человек! Вот чудо так чудо!

И вот теперь зеркальце и заколка. От дождя и снега, мороза и жары амальгама почти вся смылась, осталась круглая стекляшка в розовой пластмассовой оправе.

Александр ладонью смёл со столешницы хвою и пожухлые листья. Мы вернули зеркальце и заколку на прежнее место.

Пусть кто-нибудь, охотник или геолог, увидит их.

И если сердце его не заросло шерстью, испытает такое же благотворное потрясение.

Взрывному делу, проходке канав и шурфов и многим разным премудростям геологической и таёжной жизни учили меня разные люди, в том числе и горняк Фитин. И была у горняка Фитина одна странность, один пунктик, что ли. Об этой странности знала вся Верхне-Каларская геологическая партия, и все над горняком добродушно посмеивались.

После обеда в тайге, который традиционно состоял из банки тушёнки, гущёнки и ещё чего-нибудь из консервов, горняк Фитин все пустые банки обжигал в костре, а затем прикапывал под какой-нибудь выворотень или камень. Если же обходились без костра, всухомятку, горняк Фитин всё равно собирал банки, прикрывал их крышками и тщательно где-нибудь прятал.

— Анатолий Фёдорович, зачем это?

— Молодой ты, глупый, не понимаешь — зараза там, микробы разные. Насекомые по всему миру отсюда заразу разнесут...

По убеждению горняка Фитина, все беды, неполадки, неувязки, болезни, войны, природные катаклизмы и прочие напасти на планете происходили именно по этой причине — по причине открытых консервных банок.

Как астроном уверен, что Земля вращается вокруг Солнца, так и Анатолий Фёдорович свято верил в свою теорию. Затонул теплоход “Нахимов”, случилась трагедия с подводной лодкой “Комсомолец”, развязали США программу “звёздных войн”, произошло землетрясение в Спитаке — горняк Фитин выстраивал логическую цепочку от консервной банки. Логика была железной, доказательства убийственны, звенья цепочки смыкались так плотно, что не оставляли просвета для возражений.

Эта странность стала притчей во языцех и поводом для насмешек за глаза. Признаваю, я тоже про себя посмеивался над фитинской теорией. Тогда. А теперь мне уже не смешно. Потому что с тех пор прошло много лет, которые я постарался прожить внимательно. И которые убедили меня в правоте рабочего человека, горняка Фитина.

Всё в этом мире — видимом и невидимом — связано. Как грибницей под ногами, всё пронизано невидимыми нитями следственно-причинных связей, которых триллионы и триллиарды и которых нам никогда не узнать.

Книга, стихотворный сборник — талантливый или бездарный, выпущенный в свет, незаметно, но неотвратимо меняет общий миропорядок. В ту или другую сторону. Как меняет его спетая песня, музыка, телепередача, высказанные и невысказанные мысли и другие результаты физической и духовной деятельности. Эти изменения нельзя измерить на весах, но эти изменения чувствуют все. Постепенно они накапливаются, проходят невозвратную точку и выстраивают новое мировоззрение с новыми моральными ценностями. Они меняют общество. Они изменяют мир.

Большинство людей об этом догадываются, но всячески отрекаются от этой мысли. Принять её — значит, взять на себя ответственность за всё происходящее. И это так.

Простите за насмешки, Анатолий Фёдорович. Молодой был, глупый...

СТИМУЛ

За зиму мой друг Александр Долбиев навозил в деревню мешки с песком. После снегопада лёгкий японский грузовичок не в силах подняться на Яблоневый хребет. На берегу речки Читинки Саша загружал пару мешков с песком, и машина, придавленная этим нехитрым грузом, одолевала крутой подъём. В город машина уходила с дровами, а мешки оставались в деревне.

В мае перед домом лужайка покрылась нежной зеленью, лишь штабель белых мешков с песком портил эту идиллическую картину. Надо было выбрать время, решиться и вывезти всю эту непомерную тяжесть.

Решение, как это часто и бывает, пришло неожиданно.

Во все времена в любой русской деревне можно было встретить одного-двух профессиональных бездельников. Не работают, ничем не занимаются, непонятно, на что они живут. Но особенно расплодилось эта порода за последние два десятилетия безвременья. Были такие и в Тасее. Собирались, кучковались. У магазина выпрашивали, дежурили. И вот как-то пришли они

ко мне — не хватает на бутылку. Разговорились. Незаметно подвёл я разговор к штабелю с песком.

— Что это? — спрашивают.

Стараясь выглядеть небрежно, отвечаю, что товарищ мой работает на золотоносном прииске. Охраняет вахтовым способом. Всю зиму долбил золотоносный грунт и возил по одному мешку сюда, чтобы начальство не догадалось. Летом собирается промыть.

— И сколько там золота? — тоже вроде бы небрежно спрашивает главный бездельник.

— Не знаю. Может граммов триста, может, полкило, — вяло отвечаю.

На том и расстались. Даже недостающие деньги на водку не взяли. Как-то очень быстро расстались.

Всю ночь на лужайке перед домом скрипели тачки. . .

Никто никаких претензий мне не предъявил.

СКУКОТА

Конец девяностых годов. В стране безработица. А кто и работает, то зарплату всё равно не получает. Мы с женой устроились сторожами на Арахлейскую базу отдыха “Аргунь”, которая принадлежит Краснокаменску. Урановое богатое предприятие. Нам платят копейки, но хотя бы вовремя.

Середина июля.

На базу приехали отдохнуть “новые русские”. С ними — молодые спутницы.

Сами хозяева новой жизни занимаются шашлыком. Возле мангала пьют коньяк. Почему-то из гранёных стаканов. Спутницы стайкой стоят в сторонке, о чём-то щебечут. Их пальцы, запястья блестят золотом. Золото в таком количестве, что, кажется, им с трудом удаётся поднимать руки с тонкими сигаретами.

Прохожу мимо. Слышу разговор.

— А я вот в июне была. . .

Но её перебивает другая, на которой золота больше всех. Похоже, она здесь сама главная — всё же спутница самого большого начальника.

— Ой, девчонки, да я где только не была, везде была. В Афинах была, в Париже была, в Риме была, в Берлине была, в Лондоне была, в Нью-Йорке была — везде была! Все магазины обошла, везде одно и то же. Скукота! Как и в Москве. Можно было никуда не ездить. Одним словом, скукота, девчонки! Ску-ко-та. . .

СКРЕБОК ИЗ ЯШМЫ

С Виктором Ланцевым копаем картошку. Картофельное поле на задах усадьбы, в низине. Первые два года урожаем приходилось бросать — осенние дожди и близкие грунтовые воды превращали поле в озеро. Прodelали с отцом титаническую работу, пока подняли поле сантиметров на тридцать — вывезли на него бесcчётное число машин земли, песка, угольного отсева, мелкого гравия с берега реки.

Виктор, от природы человек любопытный, удивляется разным затейливым картофельным формам. Однако после недолгих размышлений заключаем, что всё же самый сексуальный овощ — морковь.

Картофельные гулко стучат о днища вёдер. Такой же стукоток слышен с соседних огородов.

— Смотри-ка! — Виктор протягивает пластинку жёлто-оранжевой яшмы. Я беру её, внимательно рассматриваю. И — забываю про картошку.

На моей ладони лежит скребок. Много тысяч лет назад какой-то первобытный человек сработал это примитивное орудие. Но не такое уж оно и примитивное: само лезвие, режущая часть образована двадцатью пятью аккуратными сколами. На второй режущей стороне — сорок восемь сколов. Сколы сделаны так ровно и тщательно, что остаётся лишь восхититься прилежностью и мастерством древнего человека. Скребок под женскую руку, в моей ладони он тонет, да и обрабатывать шкуры было женской обязанностью. Чтобы было удобнее держать, под пальцы сделаны углубления. Несомненно, вещь доро-

гая по тем временам. И несомненно, что эта дорогая вещь была потеряна: она не изношена работой, не поломана, но режущий край уже не острый, — вода, течение, галька, песок, тысячелетия сделали своё успокаивающее дело, обкатали, замылили, сделали лезвие безопасным.

Пытаюсь представить, как всё происходило тогда, когда мамонты и разные дикинские звери проходили по тому пространству, где сейчас мой кабинет, стол и кресло.

Мужчина подарил женщине скребок и гордился своим подарком. Другие женщины завидовали ей. Такой яшмы нет в наших краях, такая яшма встречается километров на триста-четырееста севернее. Значит, ему надо было проделать этот путь. А там или отобрать силой, или похитить, или выменять этот скребок у местного племени. Или принести кусок яшмы и уже на месте изготовить из него это орудие. Что маловероятно и неразумно — нести в такую даль камень, половина которого уйдёт в отход. Значит, или отобран, или выменян. В то время уже было разделение труда: кто-то охотился, кто-то мастерил, гончарил, кто-то камлал, рисовал охрой на скалах и общался с духами.

Обработка происходила на берегу реки, постоянно нужна была вода, чтобы смывать и вымачивать шкуры. Что-то должно было произойти из ряда вон — нападение хищного зверя, враждебного племени, пожар, землетрясение, — чтобы бежать и бросить очень ценную вещь. Бежать и уже не вернуться сюда, чтобы подобрать. Возможно, женщина погибла. Скребок был втоптан в прибрежную гальку. Река разлилась, со временем немного изменила русло и начала свою извечную работу с камнем: поминутно плавниками, водорослями, мелким песочком убирала, шлифовала острые углы, убирала смертельные грани, доводила до безопасной безделушки, что лежит на моём письменном столе... Потом экскаватор зачерпнул ковшем гравий с яшмовым скребком, самосвал отвёз груз через перевал и высыпал на мой огород. А помощник Виктор Ланцев поднял, протянул мне и сказал:

— Смотри-ка!

Я держал на ладони оранжевый скребок, и какой-то сквозняк образовался вокруг меня — это сквозило время. И было понятно, что тысяча или десять тысяч лет ничего не значат, что это всего секунда, вот она, эта женщина, чей скребок я держу на ладони, она где-то здесь, где-то рядом...

ОТВЛЕЧЁННОЕ

Если сложить все часы, дни, месяцы, прожитые мною у таёжного костра, — костра летнего, зимнего, демисезонного, костра экспедиционного, рыбацкого, охотничьего, — наберутся годы и годы. За эти годы я научился уважать огонь, как научился уважать всякую осмысленную и одухотворённую материю — воду, дерево, камень, небо. Они не умеют предавать.

А ещё появилось чувство прочности жизни. Потому что брезент над головой или звёздное небо дают большую уверенность, нежели бетонные стены городской квартиры, разные технические современные устройства, разные автомобили и самолёты, которые таят в себе безысходность и обречённость.

А ещё появилось чувство родства с огнём, водой, небом, словно мы состоим из одного материала. Потому что между тобой и небом нет многоэтажных каменных потолков: сразу начинается небо. И ты понимаешь, что будешь всегда.

Вот такие несовременные ощущения.

ЗАМЕНА

Несколько лет назад в деревне пробурили скважину и поставили над ней водокачку. В этой водокачке проработал я два года на должности, которая, аки гидра, была о многих головах и вмещала в себя обязанности сторожа, слесаря, кочегара, электрика и пр. Спать приходилось урывками. Через два года стало ясно, что от чего-то надо избавляться. Собственное хозяйство — скот и лошади, писательство и водокачка — вытянуть три дела мне было не под силу. Выбор без особого сожаления пал на водокачку.

С месяц подбирали мне замену. Дело оказалось сложным. Найти сегодня в деревне непьющего мужика почти нереально. Свой выбор администрация остановила на Сергее.

Сергею немного за тридцать. Грамоты он почти не знает, с горем пополам закончил четыре класса. По причине неграмотности в армии не служил. Не знает таблицу умножения. Читает по слогам, пишет печатными буквами. Он ничем не интересуется. Курит сигареты “Прима”, но спиртного не употребляет.

Сергей знает, что была война, в которой русские воевали с немцами и американцами. Кто-то победил, но кто – не знает.

Природа очень постаралась и сделала из него то лучшее, что возможно сделать без вмешательства учителей, умных книг, хороших фильмов, нормального человеческого общения. Человек он неплохой, помогает, когда его попросят.

Сергей заменил меня не только на водокачке. Он заменил меня в жизни. Но если вы думаете, что Сергей заменил только меня, вы ошибаетесь. Он заменил всех нас. Всё наше поколение.

Целиком.

И в этом необратимая правда сегодняшнего дня.